

СТИХОТВОРЕНИЯ

1941—1953

Бой

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!
Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной — с Тобю было,
это Ты мужалась и ждала.
Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена —
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.
Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.
Он настал, наш час,
и что он значит —
только нам с Тобю знать дано.
Я люблю Тебя — я не могу иначе,
я и Ты — по-прежнему — одно.

Июнь 1941

«Война постучала в окно...»

Отец и сын — Иван и Анатолий Ревко — вместе вступили в народное ополчение, в пулеметный взвод, где отец стал командиром.

Война постучала в окно,
отцу до зари не уснуть.
«Ну что же, — сказал он, — сынок,
мужчины отправятся в путь.
Ты слышишь за окнами гул
далеких родных батарей?
(Он встал и крючки застегнул
на старой кожанке своей.)
Так пусть застучит пулемет
под верной моею рукой:
отчизна, как прежде, зовет
солдата Ивана Ревко».
И сын отвечает: «Идем.
Ровесники ждут у ворот.
Мы взвод молодой соберем,
ты примешь и выучишь взвод.
За отчий, за радостный дом,
за то, чтоб дышалось легко, —
идем в ополченье, идем», —
сказал Анатолий Ревко.
«Идите, — промолвила мать, —
с победой вернитесь под кров.
Отчизну должна отстоять
бесстрашная русская кровь».
Из города взвод молодой
уходит на фронт далеко,
и юных ведет за собой
седой пулеметчик Ревко.
С ним рядом мужающий сын,
погодки его и друзья.

И все старику, как один,
возлюбленные сыновья.
Да здравствуют наши бойцы —
земля не знавала храбрей.
Да здравствуют наши отцы
и злая любовь матерей!

Июль 1941

Начало поэмы

...Всю ночь не разнимали руки,
всю ночь не спали мы с тобой:
я после долгой, злой разлуки
опять пришла к тебе — домой.
Мы говорили долго, жадно,
мы не стыдились слез отрадных —
мы так крепились в дни ненастья...
Теперь душа светла, мудра,
и зрелое людское счастье,
как солнце, встретит нас с утра.
Теперь навек — ты веришь, веришь? —
любовь одна и жизнь одна...
...И вдруг стучит соседка в двери,
вошла и говорит:
«Война!»
Война уже с рассвета длится.
Войне уже девятый час.
Уж враг за новою границей.
Уж сотни первых вдов у нас.
Войне идет девятый час.
И в вечность канул день вчерашний.
Ты говоришь:
«Ну как? Не страшно?»
«Нет... Ты идешь в военкомат?»
Еще ты муж, но больше — брат...

Ступай, родной...
И ты — солдат,
ты соотечественник мне,
и в этом — всё.
Мы на войне.

1941 или 1942

Песня о ленинградской матери

20 августа 1941 года. Ленинград объявлен
в опасности.

Вставал рассвет балтийский, ясный,
когда воззвали рупора:
«Над нами грозная опасность.
Бери оружие, Ленинград!»
А у ворот была в дозоре
седая мать троих бойцов,
и дрогнуло ее лицо,
и пробежал огонь во взоре.
Она сказала:
«Слышу, маршал.
Ты обращаешься ко мне.
Уже на фронте сын мой старший,
и средний тоже на войне.
А младший сын со мною рядом,
ему семнадцать лет всего,
но на защиту Ленинграда
я отдаю теперь его.
Иди, мой младший, мой любимый,
зови с собой своих друзей.
Да не падет на дом родимый
бесчестье плена и плетей!
Нет, мы не встанем на колени!

Не опозорить, не погрязнуть
тот город, где Владимир Ленин
учил терпеть и побеждать.
Нет, осиянный ратной славой,
великий город победит,
мстя за Париж, и за Варшаву,
и за твою судьбу, Мадрид».
...На бранный труд, на бой, на муки,
во имя права своего,
уходит сын, целуя руки,
благословившие его.
И, хищникам пророча горе,
гранаты трогая кольцо, —
у городских ворот в дозоре
седая мать троих бойцов.
20 августа 1941

«...Я говорю с тобой под свист снарядов...»

Август 1941 года. Немцы неистово рвутся к Ленинграду. Ленинградцы строят баррикады на улицах, готовясь, если понадобится, к уличным боям.

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...
Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.
Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.

Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.
Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады —
мы не покинем наших баррикад.
И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.
Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою:
Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

22 августа 1941

В госпитале

Тридцать пять тысяч ленинградских женщин
и девушек подали заявление с просьбой зачислить
их в дружинницы Красного Креста.

Солдат метался: бред его терзал.
Горела грудь. До самого рассвета
он к женщинам семьи своей взывал,
он звал, тоскуя: «Мама, где ты, где ты?»
Искал ее, обшаривая тьму...
И юная дружинница склонилась
и крикнула — сквозь бред и смерть — ему:
«Я здесь, сынок! Я здесь, я рядом, милый!»
И он в склоненной мать свою узнал.
Он зашептал, одолевая муку:

«Ты здесь? Я рад. А где ж моя жена?
Пускай придет, на грудь положит руку».
И снова наклоняется она,
исполненная правдой и любовью.
«Я здесь, — кричит, — я здесь, твоя жена,
у твоего родного изголовья.
Я здесь, жена твоя, сестра и мать.
Мы все с тобой, защитником отчизны.
Мы все пришли, чтобы тебя поднять,
вернуть себе, отечеству и жизни».
Ты веришь, воин. Отступая, бред
сменяется отрадою покоя.
Ты будешь жить. Чужих и дальних нет,
покуда сердце женское с тобою.

Август 1941

Сестре

Первые бомбардировки Ленинграда, первые артиллерийские снаряды на его улицах. Фашисты рвутся к городу. Ежедневно Ленинград говорит со страной по радио.

Машенька, сестра моя, москвичка!
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной переключке
слышишь ли далекий голос мой?
Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
ты сегодня хвастаешь с утра:
«Нынче из отеческого дома
говорила старшая сестра».
...Старый дом на Палевском, за Невской,
низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
школа, елка, пионеротряд...
Вечер, клены, мандолины струны
с соловьем заставским вперебой.

Машенька, ведь это наша юность,
комсомол и первая любовь.
А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
наша жизнь и сердце — Ленинград.
Машенька, теперь в него стреляют,
прямо в город, прямо в нашу жизнь,
пленом и позором угрожают,
кандалы готовят и ножи.
Но, жестоко душу напрягая,
смертно ненавидя и скорбя,
я со всеми вместе присягаю
и даю присягу за тебя.
Присягаю ленинградским ранам,
первым разоренным очагам:
не сломлюсь, не дрогну, не устану,
ни крупницы не прощу врагам.
Нет. По жизни и по Ленинграду
полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом палисаде
лучше мертвой наземь упаду.
Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
по зеленой, синей, голубой.
Мы пройдемся улицею длинной,
вспомним эти горестные дни,
и услышим говор мандолины,
и увидим мирные огни.
Расскажи ж друзьям своим в столице:
«Сток и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится —
так сказала старшая сестра».

12 сентября 1941

Осень сорок первого

Я говорю, держа на сердце руку.
Так на присяге, может быть, стоят.
Я говорю с тобой перед разлукой,
страна моя, прекрасная моя.
Прозрачное, правдивейшее слово
ложится на безмолвные листы.
Как в юности, молюсь тебе сурово
и знаю: свет и радость — это ты.
Я до сих пор была твоим сознанием.
Я от тебя не скрыла ничего.
Я разделила все твои страдания,
как раньше разделяла торжество.
...Но ничего уже не страшно боле:
сквозь бред и смерть сияет предо мной
твое ржаное дремлющее поле,
ущербной озаренное луной.
Еще я лес твой вижу
и на камне,
над безымянной речкою лесной,
заботливыми свернутый руками
немудрый черпачок берестяной.
Как знак добра и мирного общенья,
лежит черпак на камне у реки,
а вечер тих,
неслышно струй течение
и на траве мерцают светляки...
О, что мой страх,
что смерти неизбежность,
испепеляющий душевный зной
перед тобой — незыблемой, безбрежной,
перед твоей вечерней тишиной?
Умру — а ты останешься, как раньше,
и не изменятся твои черты.

Над каждою твоею черной раной
лазоревые вырастут цветы.
И к дому ковыляющий калека
над безымянной речкою лесной
опять сплетет черпак берестяной
с любовной думою о человеке...

Сентябрь 1941

Из блокнота сорок первого года

1

...Видим — опять надвигается ночь,
и этому не помочь:
ничем нельзя отвратить темноту,
прикрыть небесную высоту...

2

Я не дома, не города житель,
не живой и не мертвый — ничей:
я живу между двух перекрытий,
в груде сложенных кирпичей...

3

О, это явь — не чудится, не снится:
сирены вопль, и тихо — и тогда
одно мгновенье слышно — птицы, птицы
поют и свищут в городских садах.
Да, в тишине предбоевой, в печали
так торжествуют хоры вешних птиц,
как будто б рады, что перекричали
огромный город, падающий ниц...

4

В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завалит.
Кругом о бомбах говорят...
...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была...

5

Да, я солгу, да, я тебе скажу:
«Не знаю, что случилось со мной,
но так легко я по земле хожу,
как не ходила долго и давно.
И так мила мне вся земная твердь,
так песнь моя чиста и высока...
Не потому ль, что в город входит смерть,
а новая любовь недалеко?..»

6

...Сидят на корточках и дремлют
под арками домов чужих.
Разрываю бомб почти не внемлют,
не слышат, как земля дрожит.
Ни дум, ни жалоб, ни желаний...
Одно стремление — уснуть,
к чужому городскому камню
щекой горящею прильнуть...
Сентябрь 1941